

Леодор Бицуми

Н. Я. МАРРЪ.

Х

Кавказовъдъніе и абхазскій языкъ.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1916.

2005304445

20 — 3
163801-13
258ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ИСКУССТВ А. Н. СССРРОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

3287-06

2 99
1 139

1494V

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

КАВКАЗОВЪДЪНИЕ И АБХАЗСКИЙ ЯЗЫКЪ¹⁾.

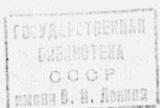
I. Этнографический и археологический интересъ Абхазіи.—II. Абхазский языкъ, работа надъ письмъ и сотрудничество абхазовъ.—III. Ненормальные условия развитія кавказовѣдѣнія и запоздалое изученіе абхазскаго языка.—IV. Яфетическая теорія и абхазскій языкъ.—V. Роль письменныхъ языковъ въ количественномъ соотношении представителей спирантной и сибилинантной вѣтвей яфетическихъ языковъ. Аварскій языкъ, албано-аланскій вопросъ и абхазскій языкъ.—VI. Этапы развитія яфетической теоріи, приведшіе къ изученію абхазскаго, и толчокъ отъ абхазскаго.—VII. Абхазы-мореходы.—VIII. Абхазы и кавказское сказаніе о Прометеѣ.—IX. Помощь абхазскаго въ изученіи мертвыхъ яфетическихъ языковъ.—X. Очередная програмная работа по яфетическому языкознанію.

I.

Какъ съ изученіемъ языка и литературы древнихъ народовъ съ национальной письменностью въ настоящее время неразрывно связана археология, такъ съ изученіемъ языка и литературы древнихъ наро-

¹⁾ „Общество любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа“ обратилось ко мнѣ съ просьбой сдѣлать сообщеніе о моихъ изслѣдованіяхъ въ Абхазіи. Предложеніе это я получилъ на мѣстѣ въ посѣднюю рождественскую поѣздку (1915—1916) въ Гудаутѣ, где въ это время я былъ занятъ провѣркой матеріаловъ по бзыбскому нарѣчію, очередной работой въ скромныхъ моихъ начинаніяхъ въ области изученія языка древнѣйшихъ обитателей этого благодатнаго края, его аборигеновъ.

Набросанное въ пути подъ свѣжими впечатлѣніемъ дѣственныхъ матеріаловъ живой рѣчи, глубже ставшей открываться, сообщеніе обратилось въ лекцію и дало поводъ коснуться ряда общихъ вопросовъ по кавказовѣдѣнію, освѣщеніе которыхъ съ яфетидологической точки зренія можетъ представить интересъ и для болѣе широкаго круга лицъ.

довъ безъ письменности рука объ руку должно идти изслѣдованіе этнографіи, въ частности и прежде всего изслѣдованіе литературы и культа. Я вовсе не обмолвился, упомянувъ о литературѣ безписьменныхъ народовъ. Литература не только бываетъ у народовъ безъ письменности, но часто она является болѣе надежнымъ и богатымъ источникомъ для изученія языка, этой души народа, чѣмъ обширная искусственная литература съ письменностью, обыкновенно состоящая изъ сплошныхъ переводныхъ памятниковъ и въ большинствѣ, если не исключительно, подражательныхъ къ нимъ сочиненій. Правда, древнія письменныя литературы кавказскихъ народовъ съ одной стороны создали общественный цѣнности, общіе литературные языки, еще съ V-го вѣка по Р. Х. Онѣ сохранили въ себѣ отложенія прошлой жизни. Въ нихъ мы находимъ драгоценный источникъ, напр., для истории христіанской церкви не только мѣстной, но и общей. Безъ помощи древне-армянской и древне-грузинской литературы теперь не можетъ обойтись ни одинъ, самостоятельно работающій по источникамъ, историкъ древне-христіанской церкви: эти народы въ своихъ переводахъ сохранили исчезнувшіе оригиналные памятники христіанской религіи громадной важности.

Но и устная литература носить въ себѣ всѣ качества создательницы общаго языка. Въ частности въ абхазской устной литературѣ и сейчасъ, когда работа только что начата собираемъ ся памятниковъ, мы находимъ, очевидно, давно сложившійся общій во многихъ отношеніяхъ литературный языкъ, что же касается содержанія, то оно отражаетъ древнѣйшую религію кавказскихъ коренныхъ народовъ, астральный культь съ поразительной жизненностью. Вообще абхазская живая старина, не только словесная, но и реальная, даетъ такую безпримѣрную полноту обѣ этой древнѣйшей религіи не одного Кавказа, а всего древнаго Востока, колыбели европейской цивилизациі, что одно это обстоятельство должно было бы обеспечить за абхазовѣдѣніемъ самостоятельное существование въ рядѣ историческихъ научныхъ дисциплинъ, входящихъ въ составъ кавказовѣдѣнія. Источникомъ наиболѣе значительнымъ по этому древнему культу изъ живыхъ народовъ и племенъ Кавказа являются союзіи абхазовъ, мингрелы и сваны, да еще на Востокѣ грузинское племя—хевсуры. У остальныхъ кавказскихъ народовъ и племенъ этотъ культь или сохранился въ ничтожныхъ переживаніяхъ или совершенно исчезъ гдѣ подъ вліяніемъ національной христіанской церкви, а гдѣ—денаціонализующей на Кавказѣ мусульманской религіи. Но пальма пер-

венства по полнотѣ сохранности этого архаичнаго культа принадлежитъ все-таки абхазамъ.

Абхазскій народъ заслуживаетъ, однако, самаго серьезнаго вниманія и историка христіанской культуры на Кавказѣ. Абхазскій народъ въ лицѣ его передовыхъ слоевъ, преимущественно знати, былъ долгое время, вѣками, сподвижникомъ носителей христіанскаго свѣта и его проповѣдниковъ въ соѣднѣхъ странахъ. Языческимъ племенамъ христіанизованная часть абхазскаго народа могла нести евангельское ученіе, а христіанскимъ народамъ съ восточно-христіанской культурой—греческое просвѣщеніе. Съ этой точки зрѣнія требуется пересмотръ и намѣчавшееся мною освѣщеніе личности абхаза Иоанна, «весьма близкаго человѣка и стойкаго единомышленника греческаго философа Иоанна Итала». Пересмотръ требуется въ сторону прямого этническаго толкованія термина «абхазъ» (а не культурно-историческаго взамѣнъ «грузинъ») въ устахъ И. Итала, называющаго именно абхаза Иоанна ученикѣшімъ. Мы раньше какъ будто старались, наоборотъ, замести слѣдъ значенія абхазскаго народа, какъ проводника византійско-христіанскихъ началъ въ кавказскій міръ, использовавъ и это столь ясное упоминаніе въ пользу грузинскаго народа ¹). Родной край абхазскаго народа представляетъ археологическій интересъ для изслѣдователя не только христіанского искусства, но и памятниковъ значительно болѣе древнихъ эпохъ. Греческія колоніи и взаимодѣйствія античной греческой культуры и мѣстной восточной, а не только вліяніе грековъ на абхазовъ, представляетъ первостепенный интересъ. Наступаетъ эпоха, когда одностороннее исканіе всегда и во всемъ греческаго вліянія должно найти поправку въ выясненіи того, какъ относились греки къ вѣрованіямъ Востока: сохрания по именамъ своихъ боговъ и богинь, не надѣляли ли ихъ чертами, а въ культь не вносили ли особенностей, мѣстное восточное происхожденіе которыхъ въ принципѣ уже не оспаривается?

Великая торговля съ толмачами на десяткахъ языковъ въ абхазскомъ городѣ привлекала, надо думать, всякаго типа искателей наживы, но, съ востока или запада, отовсюду они приходили изъ культурныхъ странъ, и происходилъ обмѣнъ не только товаровъ, но и идей.

¹) Н. Мартъ, *Иоаннъ Петрицкій, грузинскій неоплатоникъ XI—XII вѣка* (Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества, т. XIX, 1909), стр. 108—109 = отд. стр. 56—57.

Археологическая разысканія въ краѣ по этому вопросу могли бы многое освѣтить, но для этого требуются большія раскопки и большія средства, а главное—кадръ специально подготовленныхъ ученыхъ. Между тѣмъ не только зарыты въ землѣ древности, но и доступные изученію памятники на поверхности земли мало, я бы сказалъ, никакъ не изслѣдованы, т. е. не изслѣдованы, какъ того требуетъ современное пониманіе научнаго дѣла. Не изучены специалистами даже христіанскіе памятники, болѣе многочисленныя. Единственная научная работа это маленький этюдъ въ иѣсколько страницъ, принадлежащий проф. Д. В. Айналову. Онъ посвященъ обломкамъ алтарной преграды, найденнымъ въ имѣніи г. Воронова въ Цебельдѣ и иныхъ находящихся въ Москвѣ. На нихъ весьма интересная рѣзьба, рельефы сценъ изъ св. Писанія, которые графиня Уварова предполагала отнести къ XII—XIII вѣкамъ, но проф. Айналовъ вполнѣ основательно опредѣлилъ ихъ значительно болѣе древнее время: его смущили иѣ—которыя подробности, не то онъ готовъ былъ отнести ихъ къ VI вѣку, однако, не признавъ ихъ столь древними, онъ выяснилъ, что они во всякомъ случаѣ не могли появиться позднѣе IX вѣка. Въ числѣ рельефовъ есть одинъ, представляющій жертвоприношеніе Исаака: Авраамъ приносить въ жертву сына Исаака, а по близости находится жертвенный баранъ. Но баранъ не стоитъ, запутавшись рогами въ вѣтвяхъ деревьевъ или захваченный ими, а повисъ на деревѣ рогами. Такое изображеніе не согласуется съ ходячимъ текстомъ св. Писанія и не имѣть аналогіи ни въ одномъ изъ извѣстныхъ многочисленныхъ древне-христіанскихъ и вообще христіанскихъ скульптурныхъ или иныхъ изображеній той же самой ветхозавѣтной сцены¹⁾. Между тѣмъ съ такой именно подробностью („баранъ повисъ рогами на деревѣ“) находимъ скульптурное изображеніе жертвоприношенія Авраама на Дворцовой церкви въ городищѣ Ани. Армянскій рельефъ также опредѣляется временемъ не позднѣе IX вѣка, но онъ можетъ быть, если не считаться съ мою гипотезой о перестройкѣ, и произведеніемъ VI вѣка²⁾, такъ какъ Дворцовая церковь построена была въ этомъ столѣтіи. Способная смутить изслѣдователей византійскихъ и вообще западныхъ древностей подробность, именно висящій рогами

¹⁾ Любопытно, что единственный западно-европейскій рельефъ съ такой же разработкой сюжета находимъ въ одномъ исключительно рѣдкому памятнику гальской христіанской церкви. Подробнѣе по вопросу см. Н. Марръ, *Описание Дворцовой церкви въ Ани* (Анійскія древности, I), стр. 9, прим. 3, 28, 34.

²⁾ Н. Марръ, ц. с., стр. 1 et pass.

на деревѣ баранъ, объясняется тѣмъ, что вопреки греческому тексту Ветхаго Завѣта въ древнѣйшихъ восточныхъ версіяхъ, именно въ армянскомъ и грузинскомъ переводахъ, разсказывается, что „баранъ висѣлъ на деревѣ рогами“. Слѣдовательно, указанная подробность въ рельефѣ художникомъ была внесена не по недомыслу, а въ согласіи съ св. Писаніемъ по восточной версіи. Въ Армениѣ такая версія св. Писанія существовала съ начала насажденія христіанства, такъ какъ въ ней христіанство *насаждали* не греки, а сирійцы. Въ Абхазіи, наоборотъ, такая версія появилась лишь по вытѣсненіи греческой церковности грузинской, чтѣдо IX—X вѣка не имѣло мѣста. Слѣдовательно, скульптурная работа на обломкахъ алтарной ограды абхазской церкви ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дровнѣе IX вѣка¹⁾.

Я нарочно остановился на этой подробности, чтобы показать, во-первыхъ, какъ трудно даже специалистамъ опредѣлять памятники христіанскаго искусства на Кавказѣ безъ знакомства съ исторію древней кавказской христіанской культуры, а также, во-вторыхъ, какъ даже въ такихъ мелочахъ научное рѣшеніе вопроса должно быть построено съ общекавказской культурно-исторической перспективой, тѣсно связывающей страны отъ Армениіи на югѣ до, по крайней мѣрѣ, Абхазіи на сѣверѣ.

Ясно, что абхазскій народъ, не только имѣвшій общеніе съ пра-свѣщенными народами въ продолженіе многихъ вѣковъ, но и творчески принимавшій участіе въ развитіи въ развитіи общекавказской христіанской культуры, какъ народъ съ исторіею, заслуживаетъ вниманія историка Кавказа, тѣмъ болѣе археолога.

II.

Однако мое вниманіе было приковано въ настоящую поѣздку, какъ и въ предыдущія, только къ одному предмету, живой абхазской рѣчи. И хотѣлось бы мнѣ выяснить, насколько это возможно, основательность этого исключительного интереса къ абхазскому языку.

Ознакомленіе съ чисто технической стороной работы я изъюмлю изъ сообщенія. Какъ ведется работа, какія трудности представляются для записи языка безъ письменности, какое облегченіе или, наоборотъ, помѣху приходилось встрѣчать въ наличныхъ записяхъ, или предшественниковъ моихъ по записи живыхъ абхазскихъ текстовъ въ

¹⁾ См. Н. Марръ, ц. с., стр. 34 сл.

научныхъ цѣляхъ или работниковъ по изложению на абхазскомъ языѣ переведныхъ и оригинальныхъ произведеній, т. е. предшественниковъ по записи въ литературныхъ и вообще просвѣтительныхъ цѣляхъ, когда тексты предназначаются для чтенія знающихъ абхазскій языкъ и т. д. Всѣ эти и иныя еще подробности могли бы представить интересъ въ тѣсномъ кругу интересующихъ абхазскимъ языкомъ или лингвистовъ, занимающихся діалектологическими изысканіями по безписьменнымъ языкамъ.

Еще менѣе, думаю, было бы умѣсто входитъ въ лингвистическую подробности работы, излагать хотя бы въ общихъ чертахъ выясняющейся грамматической строи абхазской рѣчи или останавливаться на ся синтаксисѣ, имѣющемъ основное значеніе для правильного пониманія абхазского языка, въ которомъ синтаксисъ играетъ роль морфологии, т. е. строемъ рѣчи, той или иной въ ней разстановкой словъ выражается то, что въ другихъ языкахъ выражаютъ формы самихъ словъ, падежная окончанія. Не приходится останавливаться, напр., и на союзахъ и нарѣчіяхъ, самой труднѣйшей для воспріятія европейца части рѣчи въ абхазскомъ языкѣ. Достаточно сказать, что настоящихъ союзовъ, по происхожденію или составу своему, похожихъ на наши союзы, въ абхазскомъ предложеніи не видать; они присоединены неотдѣлимо къ словамъ или, чтѣ еще затруднительнѣе уловить, помѣщены внутрь самихъ словъ; правда, обыкновенно оказывается, что это не одно слово, а цѣлый комплексъ ихъ, сошедшихъ вокругъ глагола, одни въ концѣ глагола, другіе въ началѣ, третыи между предлогомъ и темой глагола, четвертые внутри самой темы глагола, которая часто оказывается составной изъ двухъ глагольныхъ основъ.

Другіе союзы и нарѣчія стоятъ самостоятельно, но при анализѣ оказывается, что они представляютъ собою глаголь въ опредѣленной формѣ. И въ русскомъ рядѣ союзовъ и нарѣчій глагольного происхожденія, напр., слова „хотя“, „почти“, и эти русскія слова также утратили совершенно глагольное значеніе. Но многочисленность такихъ выражений сильно затрудняетъ анализъ абхазской рѣчи, ибо если не всѣ, то громадное большинство союзовъ и нарѣчій хотя глагольного происхожденія, но сами абхазы не чувствуютъ уже ихъ происхожденія, а когда на лицо цѣлый комплексъ частицъ и основъ, образующихъ одно цѣлое, абхазъ великотѣнно понимаетъ цѣлое и можетъ даже безуказненію перевести на другой языкъ, но при вопросѣ о частяхъ, входящихъ въ составъ комплекса, онъ совершенно теряется,

а когда пытается дать объясненіе, даетъ сбивчивыя указанія, притомъ каждый по своему.

Тѣмъ не менѣе помочь интеллигентныхъ абхазовъ весьма существенна. На первыхъ порахъ безъ этой помощи пришлось бы много потерять времени, и я считаю долгомъ здѣсь засвидѣтельствовать о необычайно предупредительномъ отношеніи къ работамъ по абхазскому языку со стороны всѣхъ безъ исключенія абхазовъ, съ кѣмъ занятія меня сталявали, не исключая простыхъ крестьянъ въ селахъ, поражавшихъ меня обходительностью, деликатностью и искреннимъ совершенно безкорыстнымъ стараніемъ всячески содѣйствовать изысканіямъ, требующимъ порой большого терпѣнія отъ объекта изслѣдованія.

Надо замѣтить, что по самой природѣ абхазской рѣчи абхазскій народъ настроенъ, какъ ни странно можетъ это звучать, очень «грамматически»; онъ чрезвычайно чутокъ къ малѣйшему звуковому дефекту или измѣненію формы, и по этому поводу у абхазовъ всякаго возраста, даже дѣтей, бывають горячіе споры, доходящіе иногда до серьезныхъ столкновеній. Но въ этихъ спорахъ, а также въ вопросахъ о происхожденіи словъ, въ которыхъ рядомъ съ интеллигентомъ, часто съ большимъ природнымъ филологическимъ остроуміемъ, охотно принимаетъ участіе и простолюдинъ, одинъ большой дефектъ: у абхазовъ полная увѣренность, что происхожденіе всѣхъ абхазскихъ словъ можно и слѣдуетъ объяснить изъ абхазскихъ же словъ, притомъ изъ абхазскихъ словъ въ томъ видѣ, въ какомъ они доступны сейчасъ нашему наблюденію. Долженъ оговориться, что такъ предполагали толковать абхазскія слова и наиболѣе внимательные и авторитетные энтузиасти-изслѣдователи не-абхазы, прежде всего незабвенный по заслугамъ въ изученіи письменныхъ языковъ Кавказа баронъ Усларъ, а за нимъ и самородный лингвистъ Петър Чарая. Оба они пошли дальше и признали въ абхазской рѣчи въ томъ видѣ, какъ она дошла до настѣ, первобытный языкъ, тогда какъ, совершенно наоборотъ, абхазскій языкъ лингвистически стоитъ на одной изъ самыхъ высокихъ ступеней развитія человѣческой рѣчи. Онъ среди родственныхъ съ нимъ языковъ занимаетъ ту ступень, какую англійскій занимаетъ среди европейскихъ. Абхазскій языкъ представляется наиболѣе измѣнившійся, наиболѣе новый по своему наличному состоянію типъ. Абхазы чрезвычайно помогли и продолжаютъ помочь и въ собираеміи лингвистическихъ материаловъ.

Я не говорю уже здѣсь о личныхъ работахъ Н. С. Джанашіи,

лучшаго знатока абхазской этнографии, имѣющаго крупную заслугу по собиранию этнографическихъ материаловъ, особенно касательно абхазскаго культа и абхазскихъ религіозныхъ вѣрованій¹⁾.

Я остановлюсь на работахъ Бзыбскаго комитета общества распространенія просвѣщенія среди абхазовъ. Эта работа между прочимъ и вынудила меня совершить поѣзду въ столь неудобное для мирныхъ занятій время. Еще зимой 1913 года, когда я занимался въ Гудаутѣ, абхазская мѣстная молодежь, входившая въ составъ Бзыбскаго комитета, выразила желаніе сотрудничать со мной посильнѣ. Я предложилъ собирать памятники абхазской устной литературы, въ первую голову сказки, и далъ нѣкоторыя указанія. Въ настоящее время собрано болѣе ста сказокъ исключительно на бзыбскомъ нарѣчіи. Въ моемъ распоряженіи уже гдѣ находились 74 сказки. При работѣ надъ этими цѣнными текстами стало ясно, что записыватели задались цѣлью, иѣсколько понижающей цѣнность материала для очердныхъ научныхъ изысканій: они старались по возможности свести всѣ свои записи въ отношеніи языка къ одному общему типу, отстраняя мѣстные особенности говоровъ или подговоровъ тѣхъ селъ, откуда они происходили. Нужно ли прибавлять, что для лингвиста важны именно эти особенности, разъ дѣло идетъ о возсозданіи исторіи языка. Къ счастію, природу выгоните въ окно, она войдетъ въ дверь, и въ доставленныхъ мнѣ записяхъ различныхъ лицъ я подмѣтилъ значительное число закономѣрныхъ отступленій, явно представлявшихъ вторженіе въ слаженный текстъ формъ природныхъ говоровъ записывателей, и надо было столкнуться съ сотрудниками для дальнѣйшаго направленія работы ихъ въ русло научныхъ требованій.

Распространяются обстоятельства о дальнѣйшемъ ходѣ совмѣстной работы моихъ бзыбскихъ сотрудниковъ со мной я не буду. Я думаю, также было бы безцѣльно въ статьѣ не специально лингвистического значенія сообщать о діалектическомъ богатствѣ абхазской рѣчи, о различныхъ нарѣчіяхъ, говорахъ и подговорахъ и т. д. Къ тому же, это и несвоевременно.

Прежде всего для этого нужно располагать по другимъ, наличнымъ въ предѣлахъ этнографической Абхазіи, нарѣчіямъ абхазского языка хотя бы такимъ количествомъ материала, какимъ располагаемъ сейчасъ по бзыбскому нарѣчію. Удастся ли и въ районахъ этихъ

¹⁾ На русскомъ языке появилась пока работа его *Религіозные вѣрованія абхазовъ* («Христ. Востокъ», IV, стр. 72—112), имѣющая быть продолженной въ томъ же органѣ.

другихъ нарѣчій организовать сотрудничество мѣстныхъ силъ по собиранию памятниковъ абхазской народной словесности или нѣть, покажетъ будущее. Отстригнѣвъ сейчасъ всѣ эти специальная общелингвистическая и діалектологическая стороны, я хотѣлъ бы дать представление о болѣе общихъ научныхъ задачахъ, связанныхъ съ изученіемъ этой живой, весьма богатой лексически рѣчи, обходившейся безъ письменности до XX столѣтія.

III.

За кавказовѣдѣніемъ въ частяхъ его, посвященныхъ народамъ съ древней национальной письменной культурой, именно армянамъ и грузинамъ, крупный грѣхъ. Это—полное равнодушіе, если не сказать болѣе, къ научной разработкѣ историческихъ судебъ безписьменныхъ народовъ Кавказа, коренныхъ его обитателей. Отмѣченное равнодушіе къ кавказовѣдѣнію присуще въ силу одной особенности, представляющей громадное препятствіе къ дальнѣйшему успѣшному его развитію по научнымъ путямъ: она ставитъ преграду использованію добытыхъ уже научныхъ положеній въ разработкѣ культурно-историческихъ материаловъ, представляемыхъ Кавказомъ, во всей ихъ совокупности въ томъ видѣ, какъ волею судебъ сохранились они на Кавказѣ, независимо отъ тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ националистическихъ освѣщеній. Эта роковая особенность состоитъ въ томъ, что кадръ специалистовъ по гуманитарному кавказовѣдѣнію до сихъ поръ пополняется исключительно представителями мѣстныхъ народовъ, и это не даетъ кавказовѣдѣнію научно развернуться съ тѣмъ широкимъ размахомъ, котораго оно заслужило не только по богатству и разнообразію материаловъ, но и по запросамъ науки къ кавказовѣдѣнію, по высокому значенію общечеловѣческихъ и культурно-историческихъ проблемъ, ищущихъ и намѣщающихъ въ нихъ, въ этихъ кавказскихъ материалахъ, опоры для своего правильного освѣщенія, а иногда и решеній. Представители мѣстныхъ народовъ по разнымъ причинамъ, касающейся которыхъ сейчасъ не мѣсто и не время, не могутъ отрѣшиться и въ наукѣ отъ своихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ жизненныхъ национальныхъ интересовъ. Кавказская национальная злободневность, законный и въ началѣ невинный источникъ стимула къ кавказовѣдѣнію занятіямъ, обращается въ направляющей ихъ руль: воспринимая въ лучшемъ случаѣ технически усовершенствованные приемы по специальности и въ этой мѣрѣ укрѣпляя свои позиціи, она неминуемо содѣйствуетъ гашенію духа—двигателя научныхъ исканій,

свободной критики основъ традиционныхъ историческихъ построенийъ. Это говорится безъ всякаго осуждения. Я лишь утверждаю фактъ, съ которымъ связана наша научная область и отъ которой терпить она сейчасъ и, быть можетъ, зависить ея будущность не на одномъ Кавказѣ. На мѣстѣ националистическое направление устраиваетъ возможность расцвѣта кавказовѣдѣнія, являясь камнемъ преткновенія на пути сосредоточенія полноты его дисциплинъ и естественнаго чисто научнаго взаимодѣйствія его представителей. Внѣ Кавказа неизбѣжнымъ вполнѣ заслуженнымъ удѣломъ научной области, построенной на националистической основѣ, и впредь будетъ равнодушіе серьезныхъ ученыхъ круговъ, невозможность найти для нея мѣсто въ какой либо научной востоковѣдной школѣ. Указанной особенностью односторонняго состава кадра специалистовъ по исторіи и литературамъ мѣстныхъ народовъ, одно время имѣвшихъ созданную ими блестящую культурную жизнь, объясняется то, что въ смежныхъ научныхъ областяхъ, въ арменовѣдѣніи и грузиновѣдѣніи, специалисты до сихъ поръ не имѣютъ или, лучше сказать, не расположены имѣть общий научный языкъ, общее научное мышленіе. Той же роковой особенностью объясняется и то, что ни одна изъ этихъ специальныхъ отраслей кавказовѣдѣнія, давно получившихъ возможность развиваться научно и, вовлекая въ научную работу использованные материалы, расширять научный кругозоръ, не выдвинула своевременно ни одного специалиста по изученію громадной части кавказскаго населенія, именно такъ называемыхъ кавказскихъ горцевъ. Не только не было проявлено научнаго интереса къ болѣе дальнимъ съ бытовой точки зрѣнія народностямъ, каковы, напр., черкесы, чеченцы съ ингушами и многочисленные языцы Дагестана, но даже къ абхазамъ. Между тѣмъ фактъ, что исторія абхазовъ есть начало исторіи грузинской Багратидской царской династіи и въ то же время тѣсно сплетается въ IX и X вѣкахъ съ исторіею армянскихъ Багратидовъ, имѣвшихъ столицу въ городѣ Ани, прекрасно устроенному, по свидѣтельству византійскихъ грековъ, нынѣ подтверждаемому раскопками въ этомъ уже городищѣ въ развалинахъ.

Естественно, что весь этотъ обширный безписьменный районъ кавказскаго мѣра, именно безъ письменности на народныхъ языкахъ, съ его богатѣйшими и разнообразнѣйшими языковыми и этнографическими материалами былъ предоставленъ силамъ немногочисленныхъ любителей и энтузиастовъ. Это обстояло такъ даже въ исходѣ XIX вѣка, на порогѣ нашего столѣтія, когда научное исканіе въ лицѣ запад-

ныхъ европейцевъ, сначала англичанъ и французовъ, а затѣмъ пѣрѣвѣ всего иѣнцевъ, задолго еще до начала настоящей міровой войны старалось рядомъ строго продуманныхъ и богато снаряженныхъ экспедицій оторвать отъ нашихъ научныхъ наблюденій естественно къ намъ тяготѣющія и намъ болѣе доступныя по нашей теоретической подготовкѣ области древновосточнаго культурнаго мѣра, какъ, напр., Ванъ и его древности; когда иѣнціе изслѣдователи и путешественники стали постепенно наѣзжать съ юга черезъ Турцію на Кавказъ, силясь охватить его кольцомъ своихъ научныхъ экспедицій, а мы безпечно спали.

Не естественно ли, при такомъ положеніи, представителямъ русской университетской и академической науки спѣшить вовлечь свое-временно въ научный обиходъ втуне лежащія у насъ же сокровища и, если ить возможности сдѣлать то, для чего требуются организованныя силы научныхъ работниковъ, специалистовъ, то подготовить условія для выработки такихъ силъ.

IV.

Но независимо отъ этихъ виѣній поводовъ, кавказскіе горцы, и въ первую голову абхазы напрашивались на возможно поспѣшное изученіе по причинамъ внутреннимъ, внутреннимъ съ точки зрѣнія исторіи самой разработки науки о коренныхъ кавказскихъ языкахъ и постепенности нарождавшихъ въ ней научныхъ запросовъ и задачъ.

Эта сторона дѣла находится въ связи съ новой теоріею о происхожденіи и классификаціи кавказскихъ языковъ, именно съ яфетической теоріею. Общеизвѣстно, что изъ многочисленныхъ языковъ мѣра наука успѣла выдѣлить и сдѣлать объектомъ усиленной сравнительной и исторической разработки три семьи—аріо-европейскую (индо-европейскую), семитическую и турецкую. Едва ли читатели настоящихъ страницъ нуждаются въ перечинѣ состава этихъ трехъ семействъ.

Изученіе языковъ Кавказа установило существование еще одной семьи, дало возможность выдѣлить особую четвертую семью языковъ, яфетическую, которая не имѣетъ родства ни съ аріоевропейской семьей, ни съ турецкой семьей, но находится въ кровномъ родствѣ съ семитической семьею языковъ. Родство это настолько тѣсно, что основатель этой теоріи, авторъ настоящихъ строкъ, первоначально и долго еще, почти до 1910 года предполагалъ, что семитические языки съ яфетическими и хамитическими составляютъ лишь три вѣтви одной

общей семьи языковъ. Можетъ быть, это такъ и окажется со временемъ, но въ настоящее время такъ разросся составъ яфетическихъ языковъ, что приходится ихъ дѣлить на двѣ большия вѣтви и объединять ихъ въ одну самостоятельную семью—яфетическую.

Вѣтви эти отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что въ однихъ и тѣхъ же по происхождѣнію словахъ одна изъ вѣтвей закономѣрно обнаруживаетъ звуки свистяще-шипящіе или сибилианты въ противоположность придыхательнымъ звукамъ или спирантамъ другой вѣтви. Отсюда названія этихъ двухъ вѣтвей яфетической семьи: одна вѣтвь названа сибилинтий, т. е. свистяще-шипящей, а другая спирантной, т. е. придыхательной.

Отъ сибилинтий вѣтви яфетическихъ языковъ сохранились, ее теперь составляютъ языки грузинскій и мингрельскій съ лазскимъ или чанскимъ. Утеряны цѣлымъ группѣ этой вѣтви и утеряна цѣлѣнность сохранившихъ двухъ группъ картской, къ которой принадлежитъ грузинскій языкъ, и тубал-кайской, къ которой принадлежать лазскій, онъ же чанскій, и мингрельскій, въ древности иворскій языкъ.

Спирантную вѣтвь составляютъ многочисленные горескіе коренные языки Кавказа, распадающіеся на рядъ группъ. Начиная съ востока—это лезгинскіе языки со сродными преимущественно въ Дагестанской области, куда относится помимо наиболѣе распространенныхъ, именно аварскаго и казикумскаго, до десятка языковъ андо-дидойской группы. Затѣмъ ближайше къ нимъ примыкаетъ не только по мѣстонахожденію, но и по сродству чеченская группа съ языками нахчайскимъ или собственно чеченскимъ, ингушскимъ и тушинскимъ главнымъ образомъ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта и прилегающихъ равнинахъ въ Терской области и, наконецъ, абхазо-адыгейская группа съ абхазскимъ и черкесскимъ или адыгейскимъ языками и ихъ нарѣчіями и говорами съ многочисленными промежуточными, стоящими между адыгейскимъ и абхазскимъ языками. Нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ наука наша не досчитывается въ предѣлахъ нашего государства только потому, что въ силу превратностей судьбы говорящіе на нихъ, нынѣ выселенцы съ Кавказа, находятся въ числѣ обитателей Турціи, такъ въ числѣ прочихъ убыхъ съ роднымъ убыхскимъ языкомъ.

Эти многочисленные языки не порожденіе условій кавказской жизни и не случайные разрозненные послѣдки, какъ предполагалось, великихъ переселеній черезъ Кавказъ, а вкладъ постепенного отѣсненія вѣтвями (если не всей семьей) на Кавказъ, съ незапамятной и

для древней Европы эпохи, народовъ древнѣйшаго культурнаго міра на югѣ, въ предѣлахъ Ассири-Вавилоніи и Месопотаміи и прилегающихъ къ нимъ съ сѣвера и запада въ Малой Азіи странахъ. Здѣсь и жили первоначально въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ родственными семитическими просвѣщенными народами и въ общеніи также съ родственными хамитическими просвѣщенными народами яфетические народы, создатели древнѣйшей въ мірѣ культуры, соосновополагатели той именно цивилизаціи, которую дальнѣйшая судьбы переработали въ нашу европейскую цивилизацію, отодвигая въ этапахъ ея развитія постепенно на западъ, въ Грецію, Римъ и въ среду новѣйшихъ народовъ Европы, тогда и долго еще не сложившихся въ культурно-политическія образованія.

На культурной прародинѣ яфетическихъ народовъ съ момента появленія первыхъ аріо-европейскихъ племенъ просвѣщеніе стало падать. Они-то и разобщили семью сродныхъ языковъ, называемыхъ теперь нами семитическими и яфетическими, оттеснивъ членовъ ея, чистыхъ или уже тогда еще нечистыхъ мѣшанихъ яфетидовъ и заставивъ передвинуться главной массой въ предѣлы Кавказа, а нѣкоторыхъ изъ нихъ выселиться, по всей видимости, далеко на западъ, такъ какъ есть показатели, что этруски, обладавшіе письменностью, были яфетического происхожденія: языкъ ихъ письменности, пока неразгаданный, обнаруживаетъ нѣкоторыя черты сродства съ яфетическими языками, и если опыты западно-европейскихъ ученыхъ въ этомъ направлѣніи—норвежца С. Бугге¹⁾ и геніального датчанина В. Томсена²⁾, дешифровавшаго турецкій языкъ орхонскихъ надписей, не привели къ прочнымъ или окончательнымъ результатамъ, то прежде всего по дефекту метода, по желанию разобрать неизвѣстное неизвѣстнымъ, такъ какъ кавказскіе языки, которые они хотѣли использовать какъ ключъ, имъ также мало были извѣстны въ научномъ освѣщеніи, какъ этруссій. И здѣсь одна изъ очередныхъ

¹⁾ Dr. Sophus Bugge, *Etruskisch und Armenisch. Sprachvergleichende Forschungen*, Christiania 1890. По примѣру западноевропейскихъ арменистовъ, S. Bugge не отличалъ въ языкахъ Армении, къ тому же принимавшихся за одинъ, яфетическихъ элементовъ отъ аріо-европейскихъ, и уже отъ этого смышенія у него рядъ недоразумѣній.

²⁾ Vilh. Thomson, *Remarques sur la langue étrusque* (Extrait du Bulletin de l'Académie Royale des sciences et des lettres de Danemark, 1899, № 24, стр. 373—398). Въ свою очередь Томсенъ бралъ свои доказательства изъ многочисленныхъ (яфетическихъ) языковъ Кавказа, не имѣя представлений ни объ исторіи наиболѣе разработанныхъ изъ нихъ, ни объ ихъ взаимоотношеніяхъ.

задачь кавказовъднія—пересмотрѣть этруссій вопросъ на основаніи яфетического языкоznанія, его сравнительной грамматики, и дать окончательный отвѣтъ. Насколько пока осмыслены этруссіе языковые матеріалы, отвѣтъ намѣчается положительный.

Отъ яфетическихъ народовъ въ предѣлахъ самого очага древнѣйшей родной ихъ цивилизациі, въ предѣлахъ Ассиро-Вавилоніи и прѣлагающихъ странъ, можно бы было думать, что ничего не осталось, разъ не осталось на мѣстѣ самихъ яфетидовъ. Но въ надписяхъ на глиняныхъ плитахъ и на скалахъ сохранились до нашихъ дней языки вытѣсненныхъ оттуда яфетическихъ народовъ, и посейчасъ съ напряженіемъ, при международномъ научномъ соревнованіи, происходить работа надъ разборомъ всѣхъ этихъ языковъ, успѣхи въ пониманіи которыхъ зависятъ отъ успѣховъ въ правильномъ историческомъ освѣщеніи живыхъ яфетическихъ языковъ, покрывающихъ понынѣ Кавказъ. Эти надписи, конечно, на мертвыхъ языкахъ эламскомъ, древнемъ и новомъ, а также суммерскомъ. Принадлежность эламского языка къ яфетическимъ пынѣ вѣдь спора. Вопросъ о суммерскомъ представляется пока недостаточно выясненнымъ даже въ предѣлахъ предположительныхъ опредѣленій ¹⁾.

Отъ яфетическихъ народовъ на путяхъ ихъ длительного движения на сѣверъ, отъ предѣловъ Ассиро-Вавилоніи и Месопотаміи къ Кавказу, можно бы было думать, ничего не сохранилось, но успѣхи сравнительной грамматики яфетическихъ языковъ въ этой части сказались особенно ярко.

Прежде всего получилась возможность разъяснить языкъ ванскихъ клинообразныхъ надписей, языкъ халдѣй, языкъ народа или племени халдовъ, поклонявшагося богу Халду. Надписи эти обнимаютъ эпохи между началомъ тысячелѣтія и VII—VI столѣтіемъ до Р. Хр., и постепенное разъясненіе на основѣ яфетического языкоznанія съ помощью живыхъ кавказскихъ языковъ матеріаловъ многихъ десятковъ надписей на скалахъ, на частяхъ дворцовъ, храмовъ и крѣпостей, на утвари и т. п. не только реальнѣо наѣзь знакомить съ дѣяніями халдѣскихъ властителей Вана и ихъ военными, религіозными и архитектурными предпріятіями, но открываетъ новые перспективы во взаимныхъ

¹⁾ Послѣдній трудъ талантливаго автора М. Церетели *Sumerian and Georgian: a study in comparative philology* (Journal of the Royal Asiatic Society, 1913, стр. 783—821 и т. д.) могъ бы лишь дискредитировать нашу теорію, если бы кто его призналъ построеннымъ на яфетидологической основе или находящимся въ связи съ яфетидологическими началами.

отношеніяхъ самихъ живыхъ яфетическихъ языковъ, языковъ Кавказа.

Еще болѣе показательенъ слѣдующій успѣхъ, вскрытие яфетическихъ осадковъ въ живой рѣчи населенія того края. Надо знать, что въ рѣчи населенія Арmenіи, которая признана была наукой чистой аріо-европейской, вскрыты органически ей присущіе яфетическіе слои. Выяснилось, что у армянъ не одинъ языкъ, распадающійся лишь по степени древности или по-древности на древне-литературный армянскій и новый армянскій, а органически различныхъ два языка, одинъ гайканскій (найскій), нынѣ вымершій, другой—армянскій, и въ обоихъ изъ нихъ вскрылись пласти яфетическихъ языковъ: въ одномъ основной пластъ оказался отъ яфетического языка спирантной вѣтви, въ другомъ—отъ яфетического языка сибилинитной вѣтви. Ни одинъ языкъ Арmenіи ни гайканскій или найскій, ни собственно армянскій не оправдалъ въ полной мѣрѣ теоріи западно-европейскихъ ученыхъ: ни одинъ изъ нихъ не оказался чистымъ аріо-европейскимъ. И тотъ, и другой оказались языками такъ называемаго мѣшанаго типа, именно языками аріо-европейско-яфетическими. Такимъ образомъ армяне и этнически и по языку половиной своей природы находятся въ тѣсномъ родствѣ съ яфетическими народами Кавказа.

Но и яфетические языки въ наличномъ видѣ отнюдь не представляютъ чистыхъ типовъ.

Уже установлено, напр., что сванскій языкъ представляется типъ мѣшаный между яфетическими вѣтвями: одинъ слой въ немъ есть вкладъ яфетического языка спирантной вѣтви, по всей вѣроятности, именно того языка месхскаго, съ которымъ особенно приходится считаться при опредѣленіи мѣста абхазскаго языка среди яфетическихъ, а другой слой въ сванскомъ есть вкладъ яфетического языка сибилинитной вѣтви, именно такъ называемой тубал-кайнской или шипящей группы, т. е. языковъ мингрельскаго и лазскаго.

Далѣе, въ языкахъ сѣверной полосы нынѣшняго яфетического мира, въ горскихъ коренныхъ языкахъ Кавказа, представителяхъ спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ, замѣчается, что дѣло имѣеть съ языками мѣшанаго типа, при чѣмъ выясняется органическая примѣсь какого-то не-яфетического языка, но здѣсь работа не достаточно еще углублена, а о гадательныхъ положеніяхъ сейчашь не мѣсто говорить. Занятія абхазскимъ языкамъ между прочимъ имѣютъ цѣлью подготовить основу для болѣе плодотворной работы надъ этимъ вопросомъ. Абхазскій языкъ также представляетъ мѣшаный типъ, въ

составъ котораго рядомъ съ яфетическимъ органическимъ слоемъ, вкладомъ и спирантной и сибилиантной вѣтвей, отложился слой не поддающаго пока определенію языка, по всѣмъ видимостямъ, сѣверного племени.

Я избѣгаю входить въ болѣе обстоятельный разъясненія, предполагая, что при новизнѣ предмета и его специальномъ характерѣ и сказанное можетъ явиться перегруженіемъ сообщенія, хотя безъ этой предпосылки было бы болѣе, чѣмъ трудно, сколько-нибудь наглядно представить смыслъ изслѣдований, направляемыхъ мною въ сторону интересующаго настъ сейчасъ вопроса объ абхазскомъ языкѣ.

V.

Я ограничусь еще лишь однимъ общимъ замѣчаніемъ касательно яфетической семьи языковъ: вѣтви, на которыхъ дѣлится она, спирантная и сибилиантная, оказываются въ высшей степени несопрѣзѣмыми по численности входящихъ въ составъ каждой языковъ. Сибилиантная вѣтвь весьма бѣдна въ этомъ отношеніи: всего двѣ группы, юартская (*свистящая*) и тубал-кайнская (*шипящая*), при томъ у юартской группы всего одинъ представитель, именно грузинскій, при томъ ни въ грузинскомъ языкѣ, ни въ мингрельскомъ иѣтъ собственно нарѣчій, лишь одно по существу нарѣчіе со многими, но далеко не столь многочисленными говорами и подговорами. Спирантная же вѣтвь—сейчасъ еще—представлена тремя обширными группами, въ которыхъ насчитывается десятокъ, другой языковъ, десятки рѣзко расходящихся нарѣчій, почти языковъ, и сотни или сотни говоровъ и подговоровъ.

И это объясняется не только тѣмъ, что сибилиантная вѣтвь оказалась на югѣ, на мѣстѣ, болѣе открытомъ сильнымъ южнымъ ино-роднымъ, ариоевропейскимъ вліяніемъ, но и по внутреннимъ причинамъ. Врагомъ естественной жизни языковъ является письменная литература. Литература письменная уничтожаетъ народное творчество въ языкахъ. Она сглаживаетъ, примиряетъ всѣ діалектическія расхожденія живыхъ нарѣчій, говоровъ и подговоровъ. Она вовлекаетъ въ этотъ разрушительный процессъ не только свои нарѣчія, но и языки родственные и ихъ нарѣчія, пріобщая ихъ къ искусственному литературному языку и пуская его формы въ обращеніе среди нихъ, какъ всѣмъ доступныя ходячія монеты. Всю эту разрушительную работу произвела грузинская письменность. Это, конечно, свидѣтельствуетъ объ интенсивномъ ея развитіи и большомъ распространеніи, но она

уничижила грузинскія нарѣчія, она на половину сократила площадь распространенія мингрельской рѣчи и свела на сохранившейся ея площади расхожденія мингрельскихъ нарѣчій, можно сказать, къ нулю, тогда какъ, напр., въ Лазистанѣ, оставшемся вѣдь столь же интенсивнаго вліянія грузинской христіанской культуры и ея письменнаго языка, въ лазскомъ языкѣ, двойникѣ мингрельскаго, на пространствѣ не болѣе одной трети Мингрелии, мы имѣемъ три рѣзко различающихся нарѣчія и десятки говоровъ.

Горскіе коренные языки Кавказа сохраненіемъ своего діалектическаго богатства, множествомъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, обязаны тому факту, что ни на одномъ изъ нихъ въ предѣлахъ нынѣшняго ихъ распространенія не возникала и не развивалась длительно литература и ни одинъ изъ нихъ не навязывался какъ общий языкъ, объединяющій всѣ горскіе ближайше родственные народы. Одно впрочемъ исключение приходится сдѣлать для аварскаго языка въ Дагестанѣ. Родной языкъ Шамиля, это—*lingua franca* для многихъ племенъ Дагестанской области, имѣющихъ каждое свой родной языкъ, но общающихся другъ съ другомъ на аварскомъ. Но и это чрезвычайно любопытное, въ горскихъ языкахъ исключительное, явленіе можно объяснить не новой жизнью аварскаго языка, а какъ наслѣдіе отъ весьма древней эпохи. Дѣло въ томъ, что работа надъ аварскимъ языкомъ начинаетъ выдвигать вопросъ о необходимости отожествить его съ языкомъ кавказскаго народа, который жилъ еще до X вѣка самостоятельной церковной жизнью, а въ V—VI вѣкахъ отставалъ христіанскую вѣру, борясь бокъ-о-бокъ съ армянскимъ и грузинскимъ народами за крестъ противъ персидскаго государства и его национальной тогда зороастровской религіи. Народъ этотъ были албаны, страна ихъ—называлась Албанію. На албанскомъ языке существовала литература, и если оправдывается дальнѣйшими изысканіями, что въ аварцахъ мы имѣемъ потомковъ албановъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ замѣчательная литературная выработанность живой аварской рѣчи, ея естественное господство и преобладаніе надъ языками, не проходившими литературнаго искуса.

Албанскій вопросъ въ свою очередь самъ по себѣ представляетъ громадный интересъ уже не для юга, а для сѣвера Кавказа. Съ нимъ связанъ неразрывно вопросъ объ аланахъ. Аланы это уже исторія не только Кавказа, но и юга Россіи. Въ нихъ заинтересованы представители различныхъ областей отечественной исторіи. Но и этотъ капитальный вопросъ не можетъ быть правильно освѣщенъ безъ

разъясненія родственныхъ связей кавказскихъ горцевъ на основѣ изученія прежде всего ихъ языковъ и родства послѣднихъ. И въ этомъ вопросѣ, какъ во всѣхъ мимоходомъ затронутыхъ въ настоящемъ изложеніи, абхазіе материалы имѣютъ сказать свое слово.

VI.

Основы яфетического языкознанія, возможность выдвинуть всѣ эти вопросы, частью освѣтить, а частью лишь намѣтить то или иное ихъ рѣшеніе, были заложены ученыемъ о родствѣ яфетическихъ языковъ съ семитическими. Основныя положенія этого ученія, зревшаго десятки лѣтъ, мною были обнародованы въ 1908 году.

Съ первого же момента по появлѣніи работы съ этими положеніями, озаглавленной „Основныя таблицы къ Грамматикѣ грузинскаго языка съ предварительнымъ сообщеніемъ о родствѣ грузинскаго языка съ семитическими“, стало для меня ясно, что временно надо бросить дальнѣйшую разработку части обѣ яфетическо-семитическихъ соотношеніяхъ. Надо было направить всѣ усилия на расширеніе и углубленіе изученія самихъ яфетическихъ языковъ. Въ первую очередь были намѣчены яфетические языки, ближайше родственные съ грузинскимъ, тогда по-неволѣ занимавшимъ центральное мѣсто¹⁾. Первая лингвистическая кампанія была поведена лично мною въ Лазистанѣ, въ нынѣ уже занятые нами Хопѣ, Архаву, Вицѣ и Атину и въ ихъ окрестныхъ селахъ: результаты ся составили II книгу Материаловъ по яфетическому языкознанію, серіи, издаваемой Императорской Академіею Наукъ²⁾. Въ Мингрелию, языку которой значительно больше быть изученъ, была возможность направить молодого грузиновѣда И. А. Кипшидзе, нынѣ приват-доцента Петроградскаго университета, сдѣлавшаго крупный вкладъ въ яфетическое языкознаніе своимъ капитальнымъ трудомъ о мингрельскомъ языке³⁾. Съ 1911 года были предприняты лингви-

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ краткому обзорѣ яфетическихъ работъ замечается новое освѣщеніе исторіи грузинскаго языка по даннымъ яфетического языкознанія.

²⁾ Грамматика чанскаю (лазскаго) языка съ хрестоматіею и словаремъ, С.-Пб. 1910, см. также Г. Кипшидзе, Дополнительная сандомиръ о чанскомъ языке (Изъ лингвистической экспедиціи въ Русскій Лазистатъ), С.-Пб., 1911 (Мат. по яфет. языкозн., III).

³⁾ Появился лишь въ 1914 году въ той же серіи (VII): Грамматика мингрельского (иверского) языка съ хрестоматіею и словаремъ; см. рецензію И. Я. Марра въ Запискахъ Восточн. отд. Имп. Русск. археол. общества (XXIII, 1915, стр. 203—216). Интересъ для характеристики степени разработки этого языка въ Западной Европѣ представляетъ рецензія И. А. Кипшидзе въ тѣхъ же Запискахъ (т. XXII,

стическая моя поѣздки въ Сванію, давшія въ результатѣ дальнѣйшую разработку первоначальной схемы яфетической теоріи, прежде всего родословной таблицы языковъ, и указавшія на необходимость расширить ея основы привлеченіемъ въ изученіе болѣе дальнихъ по родству языковъ¹⁾). Въ первую очередь былъ намѣченъ абхазскій языкъ, въ которомъ были усмотрѣны особыя точки соприкосновенія съ сванскимъ языкомъ. Отчасти вовлеченню меня въ занятія абхазскимъ посодѣйствовало редактированіе въ академическомъ изданіи работы Петра Чараи о родствѣ абхазскаго съ грузинскимъ²⁾. Пользуясь наличнымъ въ печати абхазскимъ материаломъ, я далъ свое опредѣленіе абхазскаго языка въ освѣщеніи яфетической теоріи. Работа появилась въ той же академической серіи³⁾. Нужны были не-посредственныя наблюденія надъ живой абхазской рѣчью, но археологической работы и поѣздки въ Сванію лѣтомъ не оставляли свободнаго времени. Лѣтомъ 1912 года я попытался переѣздомъ верхомъ изъ Сваніи въ Абхазію ускорить наблюденія надъ абхазской рѣчью. Переѣздъ отнялъ массу времени, и я имѣлъ возможность использовать какъ объектъ для изслѣдованія лишь одного случайно встрѣтившагося по дорогѣ пастуха изъ селенія Джгерда. Тогда я рѣшилъ посвящать лингвистическимъ поѣздкамъ въ Абхазію рождественскія вакаціи. Уже первый прїѣздъ, направленный мною въ сел. Джгердъ, далъ рядъ отвѣтовъ по многимъ изъ затронутыхъ вопросовъ, и число отвѣтовъ стало расти⁴⁾. Стали наростать и новые вопросы, потребовавшіе лингвистическихъ кампаній къ тушинамъ, къ чеченцамъ съ ингушами

стр. 239—246) на Th. Kluge, *Beiträge zur Mingrelischen Grammatik* (Мемоп. Zeitschrift fü r die Kunst- und Kultur-Geschichte des alten Orients, 1913, т. VII, тетр. 1/2, стр. 46—63).

¹⁾ Пока въ печати замѣтки моя: Изъ поездокъ въ Сванію (лѣтомъ 1911 и 1912 г.) („Христіанскій Востокъ“, т. II, стр. 1—36), Гдѣ сохранилось сванское склоненіе? (Извѣст. Имп. Акад. Наукъ, 1911, стр. 1199—1206), Орако-армянскій Sabadios-asvat и сванское божество охоты (ц. ж., 1912, стр. 827—830), Тубал-кайнскій вкладъ въ сванскомъ (ц. ж., 1912, стр. 1093—1098), Заимствованіе числительныхъ въ яфетическихъ языкахъ (ц. ж., 1913, стр. 789—790).

²⁾ Объ отношеніи абхазскаго языка къ яфетическому (Мат. по яфет. языкозн. IV, 1912).

³⁾ V (1912): Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ, см. также Яфетическое происхождение абхазскихъ терминовъ родствай (Изв. Имп. Акад. Наукъ, 1912, стр. 423—432).

⁴⁾ Въ печати пока замѣтки моя: Исторія термина абхазъ (Изв. Имп. Академіи Наукъ, 1912, стр. 697—706), О религіозныхъ опрованіяхъ абхазовъ (Къ вопросу обѣ яфетическомъ кульѣ и миологіи) въ „Христ. Востокѣ“, 1915, стр. 113—140.

и племенамъ Дагестана. Въ ожиданіи появленія болѣе обстоятельственного грамматического труда помощника попечителя Л. Г. Лопатинскаго объ адыгейскомъ языке, Академію Наукъ было постановлено командировать автора, именно Л. Г. Лопатинскаго въ Турцию для собирания материаловъ до убыхскому языку, занимающему по своей природѣ мѣсто промежуточное между абхазскимъ и адыгейскимъ. По разнымъ обстоятельствамъ исполнить это порученіе пришлось д-ру Диорру, извѣстному своими материалами по безписьменнымъ языкамъ Восточного Кавказа. Лично мнѣ абхазскій языкъ далъ особенно сильный толчекъ для приступа къ работамъ по восточно-кавказскимъ горскимъ языкамъ. Для меня стало ясно, что все направленіе и грузиновѣдѣнія и арменовѣдѣнія, въ частности и мое, было въ коренѣ не правильно по крайней мѣрѣ въ лингвистической части, ибо ни одна общая проблема, возникавшая въ той или иной изъ названныхъ специальностей, не могла быть правильно поставлена и тѣмъ менѣе решена безъ общекавказскихъ перспективъ, въ частности безъ соотвѣтственно глубокаго изученія всѣхъ горскихъ коренныхъ языковъ и пересмотра вопроса о нихъ съ точки зрѣнія яфетической теоріи и на основаніи новыхъ [наблюденій и провѣрки старыхъ] записей на мѣстахъ лицами, прошедшими яфетиологическую школу¹⁾.

VII.

Въ отношеніи грузинскаго выяснилось, что онъ чрезвычайно слабо повлиялъ на абхазскій въ христіанскія историческія эпохи; вліяніе выражается главнымъ образомъ въ заимствованныхъ словахъ, но есть и обратныя заимствованія изъ абхазскаго въ грузинскій, иногда весьма поучительныя. Такъ, напр., грузинское слово *აფა* *parus* представляется заимствованіемъ изъ абхазскаго. Это уже имѣть не только словарное, но реальное культурно-историческое значеніе: вы-

¹⁾ Пройденные яфетиологію этапы развитія не могли не отозваться на существующей формулировкѣ родства яфетическихъ языковъ съ семитическими. Намѣчаются факты, требующіе пересмотра этого основного вопроса внесеніемъ въ его освѣщеніе нового момента, изученія роли скрещенія и значенія мѣшанинъ типовъ. Какъ раньше было и съ яфетическими языками, наука въ семитическихъ языкахъ считается лишь съ такъ называемыми „основными“ или „коренными“ пластами, т. е. предпочитается имѣть дѣло съ отвлеченностями и идеальными ихъ соотношеніями, тогда какъ яфетиологія ставитъ вопросъ о необходимости разграничить классификацію идеальныхъ соотношеній „основныхъ“ пластовъ (и ихъ прототиповъ) отъ классификаціи реальныхъ языковъ въ наличномъ ихъ видѣ въ цѣлостности каждого изъ нихъ, въ совокупности присущихъ ему дѣйствительныхъ пластовъ и наслойній.

ходить, что абхазы, какъ мореходы, передавали соѣдямъ свои морские термины. И хотя современный бытъ абхазовъ не согласуется съ такимъ утвержденіемъ, но абхазская рѣчь и абхазскія преданія полны воспоминаній питимаго общенія абхазовъ съ моремъ. Въ сравнительно недавнемъ прошломъ, именно въ XVIII вѣкѣ, абхазы, нынѣ оттиснутые отъ береговъ моря вглубь края, продолжали пользоваться славой древнихъ эніоховъ, опасныхъ для ближайшихъ соцѣдѣй и вообще для путешественниковъ. Грузинскій географъ Вахушти пишетъ²⁾: абхазы „по морямъ ходятъ на судахъ *olek-kandar*“, въ которыхъ они садятся по сто, по двѣсти и по триста человѣкъ, и нападаютъ³⁾ въ пути на суда османлисовъ и лазовъ-чаповъ и чаще всего у побережья Одиши (Мингреліи) и Гурии. Въ бояхъ (на сушѣ) абхазы слабы и быстро уступаютъ, но на морѣ—стойки и могущественны⁴⁾. Какъ, однако, вымираютъ и въ абхазской средѣ переживанія древняго быта, интересно наблюсти на судьбѣ слѣдующей характерной абхазской пословицы:

ဇაშფა ზოვ უაცა ჩებ
„въ чьей лодкѣ сидишь, того пѣсню пой“.

Эта пословица была записана мною въ январѣ 1914 года въ селеніи Калдахварѣ со словъ старика 70-ти лѣтъ. Ее знаютъ, вѣроятно, многіе абхазы, значительно болѣе молодые. Тѣмъ не менѣе, интересно отмѣтить слѣдующій фактъ: въ январѣ текущаго года одинъ изъ моихъ молодыхъ сотрудниковъ въ Гудаутѣ, 22-хъ лѣтъ, устно передавшій эту пословицу, откровенно заявилъ, что онъ не знаетъ

¹⁾ *Description de la Géorgie ... publiée d'après l'original autographe par M. Brosset, S.-Pétersbourg 1842*, стр. 408.

²⁾ *Dauq'debian*, буквально „встрѣчаютъ (въ пути)“ или „устраиваютъ засаду“, а не *poq'debian*, чтѣ можно было бы перевести одинимъ глаголомъ „нападаютъ“, какъ то сдѣлалъ въ своемъ перевѣѣ Brosset (*attaquent*⁵⁾).

³⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что терминъ, употребленный Вахуштомъ, для обозначенія абхазской военной лодки не абхазское, а мингрѣльское по своему типу слово, хотя мингрѣлы также не сохранили его. Въ терминѣ можемъ имѣть сложное слово *ole-ikandar*, въ которомъ первая часть въ такомъ случаѣ должна быть понята въ значеніи предлога *черезъ*, *попрекъ*, а *ikandar*—прич. *кованый* (м. *ikadu-a ковать*), слѣдовательно, полностью — *окованый* (ср. г. *garda-qed-ili*). Толкованіе *ole* въ указанномъ значеніи предлагается И. А. Клишидзе въ связи съ м. *ole-ket-i засовъ*. Грузинскій лексикографъ С. Орбеліани приводить для формы того же термина — *ola-kander-i* (с. в.) и *olek-kandar-i* (с. в. *nav-i*), но ни одна изъ нихъ по существу не привноситъ ничего нового. Данное толкованіе однако требуетъ еще поддержки, особенно въ отношеніи первой части (*ole-|| ola-*).

значенія слова *àш҃а* *лодка*, а присутствовавшій тутъ же другой со-
трудникъ мой, сверстникъ его, не только не зналъ значенія слова
àш҃а, но и самого слова, кстати, имѣющагося и въ абхазскомъ пе-
реводѣ Евангелія, не слыхалъ, но пословицу знаетъ, однако въ иномъ
варіантѣ, именно *зàш҃а в ө* *зàш҃а һэ* „на чемъ дворѣ находи-
шься, того пѣсно пой!“ Такъ гибнѣтъ на нашихъ глазахъ живая
старина.

VIII.

Впрочемъ абхазско-грузинскія отношенія представляютъ большой
интересъ для болѣе поздней эпохи, именно съ IX—X вѣковъ и
позднѣе. Съ ними связаны и вопросы по христіанской археологіи
Абхазіи. Но для реально-народныхъ отношеній имѣются весьма интересныя
группы вопросовъ, такъ между прочимъ вопросъ о сказаніяхъ,
связанныхъ съ древнимъ яфетическими культурами. Одна изъ такихъ
легендъ изъ яфетического міра докатилась до Греціи, гдѣ она пре-
творена въ сказаніе о Прометеѣ. Въ родной средѣ та же легенда
выработалась въ сказаніе въ Армениі о *Мөнег'ѣ*, въ Грузіи обѣ
Амиранѣ, въ Абхазіи обѣ *Абәрскії*. Какому бы яфетическому племени
ни принадлежала честь создания этого сказанія, та редакція,
въ которой оно распространено въ Грузіи и Армениі, несомнѣнно
прошла черезъ абхазскую среду. Я сейчасъ не имѣю возможности
остановиться на сопоставленіяхъ именъ абхазскаго *Абәрскії*, грузин-
скаго *Аміран* и армянскаго *Мөнег*; это требуетъ череазчуръ специаль-
ныхъ разъясненій. Кромѣ того, самъ сложестъ сказанія значительно
видоизмѣненъ въ Грузіи подъ наноснымъ вліяніемъ геронической по-
вѣсти персидскаго происхожденія „Амиран-Дареджаніана“, въ Арме-
ніи—осложеніемъ его чертами изъ христіанскихъ легендъ, тогда
какъ это на самомъ дѣлѣ есть одно изъ древнѣйшихъ яфетическихъ
сказаній о богѣ солнца, превратившемся въ героя. Само имя его
Амиранъ, собственно А-тага или А-тәг, представляетъ абхазское на-
званіе солнца А-тага или А-тәг, какъ послѣднєе появляется въ слож-
ныхъ абхазскихъ словахъ. Изъ абхазскихъ языковыхъ матеріаловъ
намѣтилась возможность освѣтить рядъ подробностей въ миоѣ, впо-
слѣдствіи сказаній о солнцѣ-героѣ.

Этотъ солнце-герой, изобрѣтатель огня священнаго или, по греческой версіи, его похититель съ неба, тѣсно связанъ своей судьбой
съ кузнею, въ частности съ абхазскимъ культомъ кузни. Онъ вмѣстѣ
съ двойникомъ своимъ героемъ-ковачемъ, въ абхазскихъ народныхъ

сказаніяхъ отдѣлившимся и лучше сохранившимся, даютъ ученому
то прикосновеніе къ землѣ, отъ которого великанъ Атланть, по греческимъ сказаніямъ, своими плечами могъ поддерживать небо: съ
абхазскими матеріалами о двойникахъ Амирана-Мынера, о кульѣ кузни
и металлургіи и связанный съ ними магіи съ кудесниками-жрецами
и кудесницами-жрицами при массѣ переживаній-терминовъ въ самой
живой абхазской рѣчи ученый получаетъ, наконецъ, прочную почву
не только для поддержанія, но въ значительной степени для созданія
теоретического построенія съ широкимъ горизонтомъ и глубоко
уходящими въ незапамятную сѣдую древность перспективами какъ
о самомъ любопытнѣйшемъ сказаніи, такъ о культурномъ мірѣ, въ
которомъ оно впервые возникло и развилось.

IX.

О значеніи абхазскаго языка для выясненія яфетическихъ пла-
стовъ въ языкахъ Армениі кое-что уже напечатано. Каждая поѣзда
приращаетъ этотъ матеріалъ. Укажу мимоходомъ, что до привле-
ченія къ дѣлу абхазскаго языка оставалось необъясненнымъ въ гай-
канскомъ языкѣ (нынѣ мертвомъ), древнелитературномъ, образование
мн. числа на звуки *q* и *h*, слова-термины земледѣльческаго быта,
подробностей устройства дома и т. п. Эта общность съ цѣлымъ рядомъ
другихъ объясняется тѣмъ, что армяне усвоили сказанныя формы
грамматической категоріи и некоторые термины культурной земледѣль-
ческой жизни или изъ абхазской рѣчи, значитъ, отъ абхазовъ, или
вмѣстѣ съ абхазами взяли отъ аборигеновъ Армениі, также яфети-
довъ, слившихся впослѣдствіи съ ариоевропейскимъ пломенемъ и обра-
зовавшихъ съ нимъ армянскій народъ. Въ первомъ случаѣ мы могли
бы заключить, что въ абхазахъ, именно въ ихъ коренномъ яфетиче-
скомъ словѣ мы имѣемъ отпрѣкъ наряда, жившаго въ при-Арааратской
странѣ, гдѣ впослѣдствіи народились аризованные армяне. Но и во
второмъ случаѣ приходится признать, что нѣкогда абхазы жили въ
близкому сосѣдствѣ со страной, гдѣ впослѣдствіи, по появлениі арио-
европейцевъ, сложился армянскій народъ. И въ томъ, и въ другомъ
случаѣ приходится сдѣлать выводъ, что абхазы-яфетиды первоначаль-
но жили на югѣ въ предѣлахъ архаичнаго культурнаго міра,
близъ его центра, если не въ его центрѣ.

Это теперь многими данными устанавливается: болѣе или менѣе
прослѣживается путь, какимъ съ такого далекаго юга передвигались
эти яфетиды, нынѣ и съ IV вѣка по Р. Х. известные подъ назва-
емъ

ниемъ abasg'овъ или въ позднѣйшей грузинской его формѣ—абхазовъ уже на этомъ приморскомъ побережіи, гдѣ они занимали значительно болѣе обширный районъ, доходя на сѣверѣ, по всѣмъ видимостямъ, до Анапы ¹⁾.

Правда, передвиженіе ихъ не представляло сепаратнаго одинокаго явленія: оно совершилось въ системѣ общаго великаго передвиженія многочисленныхъ яфетическихъ народовъ и племенъ, начавшагося за много сотенъ лѣтъ до Р. Х. съ великаго распада яфетическо-семитическаго культурнаго міра, когда стали появляться въ Передней Азіи аріоевропейцы. Абхазы могли быть захвачены этимъ великимъ переселеніемъ въ числѣ прочихъ ближайше родственныхъ съ ними народовъ и племенъ, не только адыгейско-черкесскихъ, но и нахча-чеченскихъ и аварскихъ и примыкающихъ къ нимъ дагестанскихъ, однако и въ однихъ абхазахъ, сейчасъ настѣ интересующихъ, мы имѣемъ основаніе, какъ въ драгоценномъ обломкѣ цѣлаго, до настѣ не дошедшаго, видѣть часть древнаго переднеазіатскаго культурнаго міра и, следовательно, рѣдкій живой источникъ для освѣщенія извѣстныхъ культурно-историческихъ вопросовъ далекой Ассиро-Вавилоніи и непосредственно прилегающихъ странъ—вопросъ, связанныхъ съ ролью и не-семитическихъ и не-аріоевропейскихъ народовъ въ ихъ жизни. И потому вполнѣ естественно, что абхазскій начинаетъ оказывать помощь въ разборѣ до сихъ поръ не понимавшихъ клинописныхъ памятниковъ этого міра, не только Армени, но и Миді и Элама.

Значеніе абхазскаго языка для опредѣленія и правильнаго толкованія ново-эламскаго языка посильнѣо раскрыто уже въ работѣ моей „Опредѣленіе языка 2-ї категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей по даннымъ яфетическаго языкоznанія“ ²⁾). Еще при изданіи названной работы въ моемъ распоряженіи было значительно больше фактовъ въ пользу значенія абхазскаго языка въ этомъ вопросѣ, чѣмъ могъ я внести уже въ печатавшуюся статью. Съ тѣхъ поръ каждая поѣздка приращаѣтъ факты того же значенія. Здѣсь не только мѣстоименія и числительныя, но и глагольныя основы и особенія формы стали ясны и были поняты въ освѣщеніи абхазскихъ матеріаловъ.

Сейчасъ ведется работа надъ древне-эламскимъ языкомъ въ памятникахъ, древнѣйшій изъ которыхъ относится къ пятому тысячеч-

¹⁾ См. замѣтку мою *О происхождении имени Анана*, привѣсокъ къ работѣ Н. И. Веселовскаго (Зап. Разрѣда военной археологии и археографіи Имп. Русск. Военно-Исторического Общества, С.-Пб. 1914).

²⁾ Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XXII, С.-Пб. 1914.

лѣтію до Р. Х. И помощь абхазскаго языка тѣмъ болѣе усиливается, чѣмъ болѣе удается установить его сравнительно-историческую грамматику. Не меньшая, если не большая помощь оказывается абхазскимъ языкомъ въ опредѣленіи халдскаго языка клинообразныхъ надписей ванскихъ царей,—надписей, разсѣянныхъ не только по Вану и его окрестностямъ, но и по Макинскому ханству Персіи, по Эриванской губерніи вплоть до Гокчайскаго озера на сѣверо-востокѣ и Чалдырскаго озера на сѣверо-западѣ, уже въ Карской губерніи.

Въ этой научной области абхазскій языкъ даетъ живой материалъ не только для установленія значенія глаголовъ и именъ, какъ напр., агуні онъ принесъ при абхазскомъ агага приносить, агуні онъ принесъ или заставилъ прійти, при абхазскомъ аггѣходить, ба дворецъ или крѣпость при абхазскомъ а-вѣа дворецъ, вообще значительная каменная постройка и т. п.

Абхазскій языкъ даетъ переживанія религіозныхъ терминовъ халдскаго народа, поклонника бога Халда. Этотъ богъ qald, какъ теперь выяснено, представляетъ разновидность религіознаго термина qat, сохранившаго до сихъ поръ значеніе боженьки, святыни у грузинъ горцевъ, напр. хевсуровъ, тогда какъ въ общегрузинской рѣчи подъ вліяніемъ христіанскаго литературнаго языка терминъ qat-i получилъ значеніе „иконы“ ¹⁾. Въ абхазскомъ, конечно, по законамъ абхазской фонетики, отъ этого термина сохранина лишь начальная часть qa-, но зато она появляется въ томъ сочетаніи, въ какомъ это божество появляется въ халдскихъ клинописныхъ памятникахъ съ звуковымъ членіемъ идеограммы an, означающей „Бога“. Самъ терминъ an богъ на лицо въ формѣ мн. числа въ абхазскомъ словѣ anѣа богъ, въ которомъ ѿ—окончаніе мн. числа, а начальное а- абхазскій опредѣлительный членъ сравнительно нового происхожденія. Слѣдовательно, основа слова по-абхазски представляетъ п-, и какъ ванскіе цари за 1000 и болѣе лѣтъ до Р. Хр. обращались съ моленіемъ къ національному Богу своего народа Халду, изображая его въ клинописи терминами an qald („богъ Халдъ“), такъ нынѣ еще истый абхазъ обращается къ своей наиболѣе чтимой святынѣ, именуя ее тѣмъ же сложнымъ терминомъ по-qa богъ Ха, т. е. богъ Халдъ, получившимъ въ новѣйшее время подъ вліяніемъ христіанскихъ представленій значеніе иконы, какъ и у грузинъ его болѣе полная форма qat-i.

Конечно, здѣсь пока рѣчи не можетъ быть о томъ, будто дока-

¹⁾ Н. Марръ, *О религіозныхъ нравахъ абхазовъ*, стр. 125 сл.

зано, что абхазы остатки или халдовъ или эламовъ. Достаточно пока того, что оказались безспорные факты сродства, и налаживается работа истолкованія памятниковъ древнѣйшей и древней культуры человѣчества съ помощью въ строго опредѣлленыхъ случаяхъ абхазскаго языка.

X.

Чтобы эти факты изъ абхазской рѣчи, при томъ не первые попавшіеся подъ руку, не случайные, а исторически освѣщенные и привѣренные возросли, надо много поработать. Абхазскій языкъ долженъ быть изученъ по всѣмъ тремъ нарѣчіямъ, самурзаканскому, абжуйскому и бзыбскому и по ихъ говорамъ и подговорамъ. Должны быть использованы въ работѣ и говоры абхазовъ, выходцевъ въ Турцію. Но этого мало. Должно быть выдѣлено изъ нея, изъ абхазской рѣчи все, что наносно въ лей, хотя и съ незапамятныхъ временъ. Лингвистическая палеонтологія въ кавказскихъ языкахъ даетъ возможность вскрывать поразительную исторію взаимоотношеній, въ корень подрывающую націоналистическая или традиціонная построенія исторіи народовъ Кавказа въ болѣе древнія и древнѣйшія эпохи. Лингвистическая палеонтологія постепенно даетъ средства докапываться въ абхазской рѣчи до ея первичныхъ слоевъ. Но этого мало. Предстоитъ еще болѣе трудная, еще болѣе сложная работа — путемъ сравненія подлиннаго первичнаго пласта абхазской рѣчи съ болѣе близкими по родству языками, именно съ другими коренными горскими языками Кавказа, съ одной стороны, выяснить исторію и этого слоя абхазскаго языка, а, съ другой, доникаться до первичныхъ общихъ формъ всѣхъ горскихъ языковъ. Само собой понятно, что вся эта работа должна быть построена на данныхъ сравнительно-исторической грамматики горскихъ языковъ, отъ отсутствія которой сильно страдаетъ общая сравнительная грамматика яфетическихъ языковъ. Трудность этой работы не въ многочисленности языковъ и нарѣчій (однихъ языковъ Дагестана иѣсколько десятковъ): наоборотъ, въ этомъ именно надежное ручательство правильности и прочности примиряющихъ всѣ факты и ихъ освѣщающихъ конечныхъ выводовъ, которые лягутъ и уже ложатся въ основу всего построенія. Трудность состоитъ въ томъ, что, если черкесы или адыги еще сохранили съ абхазами въ рѣчи болѣе близкое сравнительно сродство, оба они, съ одной стороны, и горскіе языки восточнаго Кавказа, съ другой, значительно разошлись. Лингвистически сейчасъ уже устанавливается, что названные народы

и племена занимали непрерывно всю горную полосу отъ Чернаго моря до Каспійскаго, распространяясь на югъ и на сѣверъ отъ хребта. Не только карачайцы-турки и осетины или ироны-арійцы, но и грузины-яфетиды въ этой полосѣ новые сравнительно съ горцами обитатели. Позднѣйшіе побѣдители ироны, карачайцы, грузины занимали именно главные проходы хребта и прилегающіе къ нимъ районы, и тѣмъ, сдѣлавъ брешь въ непрерывной ближайшей цѣпи родственныхъ племенъ, разобщили абхазо-черкесскую группу отъ чеченскихъ и лезгинскихъ народовъ и племенъ. Правда, въ самомъ разобщающемъ лингвистически средостѣніи, въ самомъ, напр., сванскомъ народѣ и горскомъ вынѣ грузинскомъ племени хевсурровъ сохранились слѣды культа, общаго съ культомъ разлученныхъ ими восточныхъ и западныхъ кавказскихъ горцевъ, въ частности съ культомъ абхазовъ, но сейчасъ, въ вопросѣ объ языкѣ, намъ приходится считаться съ тѣмъ фактомъ, что обѣ разобщенныя половины, западная и восточная, горцевъ Кавказа, подверглись чужероднымъ вліяніямъ, каждая особымъ. Эти стороннія вліянія, гдѣ ужъ опредѣлились, ихъ надо только выдѣлить, но гдѣ и не поддаются опредѣленію. Очень сложная и ответственная работа. Но есть путь, есть методъ; сдѣдовательно, достижения обеспечены. Надо безстрашино идти впередъ по пути. Какъ не разъ приходилось мнѣ утверждать, кавказовѣдѣнію открыты перспективы колоссальныхъ культурно-историческихъ работъ. Многоглазычность Кавказа, именно то, что для жизни было, быть можетъ, однимъ изъ главныхъ тормозовъ развитія общекавказской культуры и его закрѣпленія и устойчивости, безъ страха возврата къ одичанію, теперь призвано послужить опорою для научнаго рычага, имѣющаго поднять непосильное иначе и наиболѣе уточненной и наиболѣе искушенной европейской научной мысли бремя разрѣшенія неразрѣшимыхъ, казалось, проблемъ по міровой исторіи древнѣйшаго культурнаго человѣчества.

Н. Марръ.

